

Павел Виноградов

Павел Владимирович Виноградов

Жестокий маскарад (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611097

Аннотация

Вряд ли любителя крутого экшена оставят равнодушным триллеры Павла Виноградова, пишет ли он постапокалипсис, криптоисторию или нуар. Несмотря на то, что всё это поджанры фантастики, проблемы, поднятые в книгах Виноградова, весьма актуальны в реальной жизни. Его герои многолики и жёстки, а ситуации, в которые они попадают, порой жестоки. Но победитель получает всё, а читатель – удовольствие от хорошего чтения. Фантазия же автора безгранична. Убедитесь в этом сами.

Повесть «Отделённый» написана в соавторстве с Татьяной Алексеевой-Минасян.

Содержание

Театр невидимок	4
Дзё[1]	4
Ха	32
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Павел Виноградов

Жестокий маскарад (сборник)

Театр невидимок

Дзё¹

Ночь не принесла облегчения, духота давила и при распахнутом окне. Владимир Евсеевич задрёмывал, просыпался, досматривая обрывки дурных сновидений, и вновь погружался в утомительный полусон-полубред. Дело было не только в июльской жаре, и не в холостяцком ужине (чёрная икра на кусках свежего батона с маслом, полсотни пельменей из кулинарии ресторана «Пекин» и пол-литра ледяной «Посольской»), который генерал устроил, пользуясь отбытием своих женщин на отдых и отпуском домработницы. И даже не служебные дела мучили его. Конечно, рулить отделом «Восток» второго главка² – синекура сомнительная, начисто

¹ Композиционный канон театра Но «дзё-ха-кю» («вступление-развитие-быстрый темп»)

² Второе главное управление КГБ СССР, контрразведка

лишиться сна можно было через одних китайцев. Но в жизни генерал-майора Рукавишникова имелось и нечто другое – куда более тяжёлое и тёмное.

За окном отдалённо гроыхнуло. «Скорей бы гроза», – вяло подумалось Владимиру Евсеевичу. Он наугад протянул руку к тумбочке, нащупал пачку «Кента» и зажигалку, закурил. В темноте сигарета не доставляла удовольствия, докурив до половины, Рукавишников раздавил её в пепельнице. Червячок тревоги всё сильнее разъедал сердце. Он поселился в генерале три года назад, когда его перевербовали... Нет, не так – предателем себя Владимир Евсеевич не считал. Просто... ему было сделано предложение, отказаться от которого невозможно. Генералу очень понравилось быть одним из тайных борцов с мировой угрозой, замаячила перспектива стать участником грандиозной игры, потаённо ведущейся мощными организациями. Причём его сторона защищала порядок, цивилизацию и прогресс – ценности белой расы, а противник – дикую азиатчину и тёмное средневековье. И не имело значения, что враг базировался на территории его страны – к советской власти он отношения не имел, был наследием дореволюционного режима. Так же, как и нынешние хозяева Рукавишникова не подчинялись западным правительствам, а сами использовали их. Ну и материальные блага для своих агентов они предлагали куда более привлекательные, чем родная Контора. А главное – теперь Ру-

кавишников знал, что вместе с ним на Клуб³ работает множество его коллег и в КГБ, и в ГРУ, и даже в партийном руководстве.

Неожиданный порыв ветра с потусторонним шелестом прошёлся по верхушкам растущих во дворе тополей, по небу заплясали синие сполохи. Они усиливали неясную тревогу генерала. Боссы из Клуба были недовольны, всё настойчивее требовали свиток. Но существовал ли тот вообще?.. Старик проговорился про него Висковатову, тот доложил своему непосредственному начальнику – генералу Рукавишникову, а Владимир Евсеевич, разумеется, передал интересную информацию таинственным шефам. Реакция последовала почти немедленно: «Предоставить в распоряжение Клуба документ и его держателя». Рукавишников задействовал всю свою немалую власть, намекая подчинённым, что в деле заинтересован сверхсекретный отдел КГБ, занимающийся различными оккультными проявлениями. Владимир Евсеевич прекрасно знал, что отдел этот – миф, и слухи о нём распускаются для дезориентации противника. На что та древняя ахинея понадобилась клуберам, он понятия не имел. Впрочем, в эффективности японской премудрости сомневаться не приходилось, недаром под крышей его отдела столько лет работала семейка Призрака. К сожалению, нейтрализовать её аккуратно не удалось, а с ней исчезли и надежды добрать-

³ Подробнее см. роман «Деяние 12» (Журнал «Самиздат»)

ся до свитка. Но хозяева не хотели ничего слышать. А тут ещё Висковатов так не вовремя помер. Или, наоборот, – вовремя?..

По спине Рукавишникова скользнула холодная змейка иррационального страха. Генерал нервно схватил ещё сигарету, но передумал закуривать, бросил её на тумбочку и повернулся лицом к стене. Уже всюду бушевавший предгрозово-й ветер бешено раскачивал стволы тополей. В призрачном свете, бросаемом на стену уличным фонарём, трепет теней деревьев казался пляской огромных летучих мышей. «Надо бы окно прикрыть», – мелькнуло в голове Владимира Евсевича, и тут он услышал невнятный звук.

Он шёл как раз от окна. Рукавишников резко повернулся и всполошённо оглядел комнату. Фонарь бросал свет лишь на её середину, а по углам и между мебелью бугрилась густая тьма. Генерал одёрнул себя: никакой опасности здесь, на шестом этаже прекрасно охраняемого дома для высших государственных служащих, не было, и быть не могло.

Но паника уже обдала чекиста ледяной волной. Вопреки всему он знал, что в комнате был кто-то ещё! Рукавишников приподнялся на постели и осторожно поставил ноги на пол. Навощенный паркет неприятно лип к коже стоп. Ветер за окном ревел, как неприкаянные души в аду, но в комнате царила удушающая тишина. Генерал чувствовал себя дичью, в которую целится охотник.

Неожиданно в нём проснулась ярость – он всё-таки был

офицером. Резко вскочив, потянулся, было, к ящику тумбочки, где с некоторых пор всегда лежал заряженный ПС. Но вытащить его не успел. Тьма в углу вздулась, оказалась рядом, и шею Владимира Евсеевича сдавила непреложная, как объятие анаконды, сила.

– Накагава-рю, – раздался странный высокий голос.

Последнее, что услышал в мире сём генерал-майор КГБ Рукавишников, был хруст собственной сломанной шеи.

Ослепительная молния за мгновение высветила на фоне окна чёрный силуэт. Гром грянул, словно лопнули небеса. Невысокая гибкая фигура канула во вновь наставшей тьме. Хлынул ливень.

* * *

Ниндзюцу – это я. Моя жизнь и смерть. Это первое, что внушили мне в этом мире, и это последнее, о чём я подумую перед смертью. По крайней мере, так должно быть. А что такое ниндзюцу? Боль и страх, и их преодоление. Преодолевать было моим главным занятием, сколько себя помню, и даже раньше. Родители, невзирая на истошные младенческие вопли, раскачивали мою подвешенную к потолку колыбель, чтобы она билась о стены. Это учило меня сжиматься перед ударом, смягчать его, концентрироваться – избегать боли. А боль, испытанную в три года, когда дед вынимал мне суставы, я помню как яркую вспышку. Теперь могу

складываться, как кошка, пролезая в узкую щель, удлинять руки во время драки. Чуть меньше была боль, когда отец регулярно накатывал меня гранёной палкой. К этому времени знание того, что ни кричать, ни плакать нельзя, уже вошло в меня, а через несколько лет всё моё тело покрыл тонкий корсет из плоти, и любая боль стала глухой и далёкой. Потом меня учили мантрам и мудрам. Монотонные речитативы и замысловатые фигуры из пальцев давали многое, но главное – подавляли страх и боль. И дед, и отец всегда говорили, что только эти двое истинные враги нас, синоби, людей ниндзю-цу.

После нескольких часов неподвижного стояния под лесным водопадом, тяжёлые струи которого непрерывно падали на макушку, мы – я и мир – становились иными. Когда мне было десять, то отец, то дед заставляли меня взбираться на крутые утёсы и сталкивали с высоты двух десятков метров. Мне нужно было сделать в воздухе пять-шесть сальто, чтобы приземлиться на ноги без повреждений. Иногда это удавалось. Мои травмы лечил дед. Кости срастались очень быстро.

Как-то мы с отцом прокрались в ближнюю деревню, где была богатая по тем временам усадьба, и проникли в амбар. Отец заставил залезть в какой-то ящик и закрыл его на замок. Там было темно и тесно, очень хотелось чихнуть, но надо было терпеть. И вдруг отец заорал: «Воры! Воры!» Потрясение обрушилось на меня, но не заставило кричать и пытаться вырваться. Через пару минут ворвались старик-хозя-

ин и его дюжие сыновья с топорами и кольями. Отца, конечно, в амбаре уже не было. Они обыскали всё, но в ящик не заглянули. Это было плохо. Тогда я стал бешено колотиться, они открыли замок и откинули крышку. Подпрыгнуть из положения сидя и, сделав сальто, броситься бежать оказалось не трудно. Они неслись за мной с воплями, и было похоже, что вот-вот догонят. При виде колодца само явилось решение бросить туда большой камень. Сильный всплеск послышался за спиной. Эти олухи, конечно, стали искать меня в колодце. Мой рёв дома был совсем детским, недостойным синоби: «Папа, папа, как ты мог?!» Он молчал.

Вошёл дед и сел на татами. Мы с отцом упали перед ним ниц, а он отослал отца и пригласил меня сесть напротив. Достав из рукава кимоно окованный золотом футляр, он приложился к нему лбом и осторожно извлёк ветхий свиток. «Теперь для тебя начинается настоящее обучение ниндзя», – сказал он.

Дед и отец растворились в сущем, а на мне лежит священная обязанность мести и возрождения клана. Потому что я – ниндзя, и это навсегда.

* * *

Лет двадцать назад столица поглотила прозябавший тут посёлок, но парадоксальным образом район сумел сохранить в унылых кварталах новостроек частицу души старой Моск-

вы. То за рядами бетонных «коробок» мелькнёт лишённая купола колокольня церковки конца прошлого века. То поразит изяществом кирпичная водонапорная башня. То пахнёт из дверей кондитерской экзотическим ароматом китайского чая и марципановыми пирожными.

Но для хозяйки квартиры всё равно это была не Москва, а «деревня Дегунино». Хозяйка помнила настоящую Москву, ту, которой никогда больше не будет. Не хуже помнила она Петербург, Париж, Цюрих, Харбин и ещё десятки городов. Правда, по ней предположить такое было трудновато. Высокая старуха с явно намеченными чёрными усиками сидела в глубоком плетёном кресле, не отрывая взгляда от вязания. Осколок прошлого, растерявший почти все связи с жизнью, живущий одними воспоминаниями. Сидящий напротив усатый мужчина средних лет в модном костюме из мелкого вельвета знал, насколько обманчиво такое впечатление.

– Циркуляр Совета Артели расплывчат, Павел Павлович, – заметила старуха, ни на секунду не прекращая своё кропотливое занятие. Собеседника она называла настоящим именем, а не артельным псевдонимом «Учитель», причём выговаривала имя полностью, не сокращая до «Пал Палыча». Да и он не звал собеседницу «Белоснежкой» – хотя бы из-за вопиющей нелепости этой клички в приложении к несколько мужеподобной пожилой даме.

– Главное мне велено передать на словах, Мария Никола-

евна, что я и сделал, – отвечал мужчина, блестя очками в золотой оправе. – Артель не может не вмещаться – противник уже проявляет интерес к этому делу.

– А вы способны поручиться, что это не его операция? Уж слишком невероятные обстоятельства – этот чёрт, которых и в Японии-то уже не осталось, убивает здесь, в Совдепии, в Москве...

– Ниндзя в Японии есть до сих пор, и немало, – почти-тельно возразил Пал Палыч. – Корни истории мы проследили, она правдоподобна. И рука Клаба не просматривается. Хотя их агентура проявила активность вокруг этих убийств, очевидно, что противник тоже понятия не имеет, в чём там дело.

Он погрузил серебряную ложечку в хрустальную розетку с вишнёвым вареньем, отправил его в рот, отпил чаю, осторожно поставил на круглый столик чашку из императорского фарфора и обвёл взглядом комнату. Тесная «двушка» в недавно сданном панельном доме сама производила впечатление осколка прошлого. Плавные линии мебели являли «модерн», причём, не современные подделки. Причудливый столик явно проектировал сам Васнецов, а пианино было настоящим «Циммерманом». Тяжёлые бархатные шторы надёжно прикрывали от всюю разгулявшегося на улице июльского солнца. На стенах висели пожелтевшие фото и картины. Палыч, большой любитель живописи, был уверен, что углядел подлинного Сомова, а вот насчёт Борисова-Му-

сатова засомневался. Между картинами в поэтическом беспорядке висели старая гитара, казачья шашка в серебряном окладе, деревянная кобура маузера с именной пластинкой. В углу перед божничкой теплилась негасимая лампада. И множество книг – в старинном шкафу, в этажерке и секретере. Палыч знал, что на некоторых обложках фамилия, вернее, псевдоним хозяйки.

Она неожиданно отложила вязание и впервые подняла взгляд. Палыча пронзил молодой блеск тёмных глаз – почти прекрасных. В покрытой синими венами старческой руке неизвестно откуда возник длинный мундштук старой слоновой кости. Из золотого портсигара на столике дама извлекла папиросу и привычным движением вставила в мундштук. Палыч галантно поднёс огонёк зажигалки.

– Павлик, – произнесла старуха, окутываясь едким дымом «Беломора», и собеседник ни на секунду не усомнился в её праве именовать его именно так – согласился бы и на «дитя моё», – вы очень молоды и, несмотря на то, что состоите в Совете, а я нет, многого в нашем деле ещё не понимаете.

Палыч знал, что Мария Николаевна не раз была членом Совета Артели, куда его самого включили совсем недавно. Однако, согласно старой традиции, Старший наставник Обители не мог оставаться членом Совета. А хозяйка и была Старшим наставником московской женской Обители во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия – одного из трёх центров, в которых проходили обучение будущие ар-

тельные. И ещё она возглавляла московский сектор Артели. Потому Совет и приказал ей разобраться в загадочном деле, которое раскрывалось уже несколько месяцев.

– Я в Артели с двадцатых, с эмиграции, – продолжала почтенная дама, – и давно привыкла считать, что, если где-то случается нечто из ряда вон выходящее – хоть в Москве, хоть в Париже, хоть в Гонолулу – ищите там след или Артели, или Клаба.

Оба они знали, что тайная история человечества – история тысячелетней Большой игры, ведущейся мощными организациями. Последние триста лет играют Клуб, представляющий европейскую цивилизацию, и Артель, защищающая мир Евразии. Войны, революции и прочие социальные катаклизмы – вершина айсберга Игры. Основная её часть происходит в обманчивом и потаённом мире секретных операций.

– Когда все умрут, тогда только кончится Большая игра, – задумчиво произнёс Палыч девиз, взятый из одного английского романа. Старуха энергически закивала.

– Именно так. И ради преобладания в Игре мы порой пускаемся на такие авантюры, о которых добропорядочным гражданам знать не следует. Про Клуб уж не говорю – это записные безбожники, но даже и мы, Артель, умудряемся проделывать множество гнусностей.

Палыч грустно потупился. Споры о моральной допусти-

мости тех или иных действий всегда велись в руководстве Артели, состоявшей по большей части из православных. Но к общему мнению так и не пришли, и потому в каждом конкретном случае руководствовались, прежде всего, целесообразностью.

Старуха выпустила клуб дыма.

– Поглядите, Павлик, на нынешнюю ситуацию. Вы не находите, что она чересчур искусственна, нарочита, что нам её навязывают?..

Палыч пожал плечами.

– Бывали и более странные происшествия. Или... – глаза под толстыми стёклами стали жёсткими, – вы думаете, что этого ниндзя нам подложили соработники?

Пожилая дама сухо рассмеялась.

– В верхушке Артели всегда имели место нестроения и несогласия, уж я-то помню...

Подумав, Палыч решительно помотал головой.

– Нет, в противном случае я бы хоть что-то знал. Нам следует исходить из того, что мы видим, Мария Николаевна: некое очень опасное лицо или группа лиц объявили войну функционерам КГБ.

– А это не могут быть их внутренние интриги? – спросила старуха, задумчиво попыхивая папирсой.

Она имела основания спросить об этом. Весь последний год «Правда» обильно публиковала на первой полосе некрологи по почившим государственным и партийным деятелям.

Но тех, кто внезапно покинул этот мир, не удостоившись прощания в главной газете страны, было гораздо больше. Поговаривали, что новый хозяин Кремля попросту расчищает себе поле для планируемых реформ, изводя всякие человеческие сорняки на партийной ниве. Возможностей таких у генерального с его чекистским прошлым было предостаточно.

Но Пал Палыч жестом отмёл это предположение.

– Мы проверяли. Да, они убрали кое-кого из наиболее одиозных типов, но не в этом случае. КГБ уже ведёт расследование, нам надо только подключить к нему наших людей. Ну а если всё-таки всплывёт, что происходящее имеет отношение к Игре, мы успеем скорректировать наши действия. Кто из соработников займётся этим?

Мария Николаевна аккуратно загасила окурков в монументальной пепельнице и вновь взялась за вязание.

– Людьми у меня сейчас небогато, – проговорила она, – уж очень много сил отнимают афганская кампания и польская смута. Барышень старших уровней в Обители много, но они недостаточно подготовлены. Привлеку одного чекиста-отставника. В Игру он посвящён частично, но весьма опытен именно в такого рода делах.

– Как его зовут? – поинтересовался Палыч.

– Логинов. Илья Данилович, – ответила старуха.

– Свяжите меня с ним, я его проконсультирую в японских реалиях.

Всё было сказано, но Пал Палыч уходить не спешил. Было видно, что он не решается что-то сказать. Для посланца Совета это было, вообще говоря, удивительно. Почувствовав смятение визави, Мария Николаевна отложила вязание и посмотрела ему в лицо.

– Я догадываюсь, о чём вы хотите попросить, Павлик, – ласково сказала она.

– Романс, – нерешительно проговорил он, – в вашем исполнении.

– Не вы первый, – рассмеялась она. – Вот уж никогда не предполагала, что именно с этой безделицей войду в историю.

Гибким, как у девы, движением она поднялась с кресла и подошла к пианино. Комнату заполнили томительные аккорды из канувшей в лету жизни.

– Не смотрите вы так, сквозь прищуренный глаз, джентльмены, бароны и леди⁴, – пела величественная дама, и перед Палычем кружились картины, которых он никогда не видел: скачущий в последнюю отчаянную атаку эскадрон, слезами размытый вид исчезающего на горизонте берега, мертвенный в сизом табачном дыму свет лампионов в гнусном баре чужой страны...

⁴ Мария Вега

Илья Данилович вошёл в Контору со служебного входа. Для него этот огромный дом был не символом всесокрушающей государственной машины, а рабочим местом. Даже сменив три года назад лубянский кабинет на кафедру в Университете дружбы народов, чтобы преподавать основы марксизма-ленинизма студентам из развивающихся стран, доцент Логинов воспринимал Контору как родное гнездо. Офицеров КГБ в отставке не бывает...

Впрочем, этого свежестроенного монументального здания, куда недавно перебралось всё руководство, он совсем не знал. Поднялся на лифте и петлял по коридорам, пока не нашёл кабинет – обычный обширный кабинет крупного советского руководителя, обставленный удобной, но тяжелой мебелью. Работал кондиционер – редкость даже в Москве – и это было здорово, потому что на улице палило невыносимо. Над столом висело парадное фото генерального, бывшего главного шефа Конторы. С другой стены на него искоса поглядывал с портрета Феликс Эдмундович. В виде памятника он же маячил за окном, всем своим видом внушая уверенность, что расположился здесь навечно.

– Присаживайтесь, Илья Данилович, – пригласил полный человек в больших старомодных очках, точно таких, как у главы государства на портрете.

У нового начальника пятого управления – «пятки»⁵, как фамильярно именовали её внутри Конторы – была репутация жестокого самодура, но сейчас он вёл себя вполне обходительно. С облегчением впитывая прохладный воздух, Логинов сел в кресло и сделал вид, что ест глазами начальство.

– Наметилась небольшая работёнка. Как раз по вашей части, – продолжал начальник.

Про «работёнку» Логинов знал уже многое – благодаря своему артельному куратору. Мощная тайная организация, обладавшая глубочайшей историей, всегда защищала интересы Российской империи, как бы та ни называлась. Но напрямую сотрудничать с насквозь пропитанными коммунистической идеологией властями СССР не считала для себя возможным. Всё происходило гораздо сложнее и тоньше: в органы советской власти и компартии, особенно в специальные службы, широко инфильтрировались агенты. В Артели хорошо знали, сколько сотрудников того же КГБ честно служили государству, имели в кармане партийный билет и при этом в душе не являлись коммунистами. Тот же Логинов начинал службу в территориальной управе небольшого города, в тридцатые годы имевшего статус «расстрельного». Очень скоро он узнал, что прямо под его кабинетом находится подвал, в котором казнили его отца – тоже чекиста. Это никак не повлияло на качество службы Логинова, но с тех пор он

⁵ Пятое управление КГБ СССР, борьба с идеологическими диверсиями

завёл привычку отмечать конец трудового дня одинокой выпивкой, в процессе которой метал нож в висевший напротив его стола портрет Ленина. О его причуде знала добрая половина сослуживцев, но это не помешало его карьере, даже переводу в главк. Впрочем, в этом более чувствовалась рука Артели. Её агенты вышли на Илью Даниловича и поразили его перспективой тайной службы стране, которой, вроде бы, уже нет, но которую он всегда воспринимал как своё настоящее Отечество.

В Москве молодой оперативник проявил немалый талант в весьма специфической области. Формально Логинов относился к четвертому отделу «пятки», занимающемуся религиозными организациями. Однако дела, которые ему поручали, были далеки от скучных разбирательств с чересчур активными православными попами или баптистами из Совета церквей, подпольно обучающими своих детей Библии. Логинов занимался типами реально опасными. По Конторе ходят легенды, как он работал с сектой сатанистов, кучкующейся вокруг таинственной дамы, о которой шептались, что ей лет четыреста отроду, при том, что выглядела она на тридцать. Старший лейтенант Логинов вскоре установил, что отнюдь не четыреста, а пятьдесят восемь, и что в юности она была путаной и воровкой на доверии, а потом, переняв от одного полусумасшедшего адепта «религию сатаны», вполне успешно занялась созданием секты. Её прихватили, когда она пыталась купить у пьянчужки-матери грудного ре-

бёнка для ритуального жертвоприношения, и закрыли надолго, как и некоторых её почитателей. В другой раз Логинов, внедрённый в глубоко законспирированную секту скопцов, чудесным образом избежал наложения «малой печати», сохранил свои «удесные близнята» и благополучно сдал всю компанию коллегам. Не менее решительно разобрался он и с невесть как (а на самом деле по воле Клаба) возникшими в столице СССР душителями-тугами – жрецами богини Кали. Несмотря на попытку удавить сексота ритуальным платком, трое студентов-индусов служили теперь своей богине ударным трудом в дремучих лесах Мордовии.

Как многие хорошие оперативники, Илья Данилович обладал совершенно незапоминающейся внешностью. Но его ординарное лицо, если надо, могло выразить любые религиозные переживания – от пробуждения скептического интереса, до блаженства неопита. Его крайне рациональный ум напрочь отметал любые попытки одурачить мистическим флером и расставлял все факты по местам. А дешёвый серый костюмчик скрывал стальные мышцы опытного рукопашника.

Однако теперешний вызов Логинова в Контору был результатом не столько его прошлых дел, сколько хитроумной артельной интриги.

Начальник выложил на стол три фотографии. Со слов куратора Илья Данилович знал, кто это, но в жизни встречал

лишь одного – генерал-майора Рукавишникова из второго главка. Двух других – толстого лысого старика и худощавого мужчину неопределённого возраста видел впервые.

– Генерал-майор в отставке Григорий Валентинович Висковатов, бывший заместитель начальника второго главка, – «представил» фотографии хозяин кабинета, – Андрей Егорович Чижик, старший референт МИДа.

Логинов глядел на шефа без выражения.

– Все они недавно умерли. Их убили.

Не дождавшись реакции подчинённого, шеф сухо перечислил:

– Висковатов отравлен, Рукавишникову сломали шею, а Чижику убили звездочкой.

– Чем? – переспросил Логинов, хотя знал.

Начальник покопался в столе, извлёк бумажку и по складам прочитал:

– Сю-ри-кэ-ном. Такая стальная метательная звезда с острыми лучами.

Губы начальника вытянулись в брюзгливую складку – обстоятельства дела явно были ему отвратительны.

– Вот такая чушь, – произнёс он, – а ты во всякой чуши разбираться большой умелец. Потому тебя и вызвали. Первым умер Висковатов, два месяца назад. Попил чаю у себя на даче, а через час корчился на полу от боли, блевал кровью и орал так, что по всему садоводству слышно было. Ещё через час кончился. Сперва думали, поганок каких сожрал сдуру.

Вскрытие показало...

Начальник сделал, многозначительную паузу.

— ...отравление алкалоидом лютика едкого, — торжественно произнёс генерал.

Лицо Логинова выражало напряжённое внимание.

— Куриной слепоты, — пояснил начальник.

Подчинённый неопределённо кивнул.

— Слушай дальше, — продолжил шеф. — Рукавишникова, как всегда, довезли с работы до дома, шофёр-телохранитель убедился, что шеф вошёл в квартиру. Дом режимный, ночью милиционер дежурит. Ничего не видел — не слышал. У Рукавишникова жена с дочкой на курорте были, так что нашли его только днём. На полу спальни, холодным. Шея свёрнута.

— Встал среди ночи, запнулся...

— Ты слушай, знай. Шея сломана очень чисто, позвонок как бритвой срезан. Предположительно, приёмом... — начальник вновь погрузил взгляд в шпаргалку и с трудом выговорил, — коп... по... дзю... цу.

На лице Логинова столь явно читалось: «Да где вы таких словечек набрались?!» – что шеф счёл нужным пояснить:

– Эксперта нашли, когда заподозрили эту чертовщину. Профессор один. Японский знает, как родной, получает из Японии всякую литературу, и сам занимается... этим, ну, ногами там дрыгает, руками... Каратэ всякое короче. Мы его давно пасём, хотели прихватить даже, а тут пригодился. Слушай дальше. Квартира Рукавишникова на шестом этаже. Окно у него было открыто всю ночь – жара же стоит. Но под утро прошла гроза с ливнем, следы, если они и были, смыло везде. Кроме как на стене дома. Там нашли выбоины и царапины. Очень похоже, что кто-то влез по стене, проник в квартиру, свернул генералу шею и так же вылез.

– Там труба водостока что ли проходит? – спросил Логинов.

Шеф покачал головой.

– Никакой трубы. Отвесная ровная стена. Ну, между кирпичей зазоры небольшие. Вероятно, использовано приспособление тэк...ко... каги, что означает, – он поднял от шпаргалки многозначительный взгляд, – «рука-крюк».

Логинов понял, что это очередная мудрость профессора-каратиста.

– Третий, – после небольшой паузы продолжил генерал, – Чижик. Из органов КГБ уволился пять лет назад, переводом в МИД.

Логинов знал, что это означает задание.

– Убит во дворе своего дома, – на сей раз шеф произнёс почти без запинки, – сю-рикэном, брошенным, предположительно, из-за кустов в палисаднике. Оружие попало в сонную артерию, пострадавший скончался от потери крови до приезда скорой. Никаких следов, никто ничего не видел, только одна девочка рассказывает, что из-за кустов кто-то быстро вышел и скрылся в арке. Ни примет, ни даже пола свидетель сообщить не может.

В голове Логинова мутилось – возможно, он перегрелся на улице. Ему стало казаться, что стены кабинета расплываются, словно сотканы из дыма. А шеф неумолимо продолжал:

– Рукавишников был начальником отдела Японии и Австралии. Висковатов в пятидесятых служил в территориальном управлении МГБ по Красноярскому краю и, в чис-

ле прочего, работал с японскими пленными. А Чижик... – шеф многозначительно поднял палец, – был территориалом в Красноярске же, в шестидесятых, уже после Висковатова. И в МИД перевёлся тоже из отдела «Восток». Въезжаешь?

– Так точно, товарищ генерал.

– И последнее, – заключил шеф, понижая голос. – Все способы, которыми они были убиты, применялись... нин-дзя.

Логинов постарался сделать недоумённое лицо.

– Кем?

– Ниндзя. Средневековые японские шпионы-убийцы. В основном, чушь, конечно, и буржуазная мистика. Но то, что были такие, это точно. Могли куда хош залезть, подобраться скрытно и так же скрытно уйти... В общем, идеальные агенты.

– Иван Петрович, а куриной слепотой тоже они старика накормили? – Логинов не смог удержаться от сарказма, однако слегка напрягся в ожидании громов и молний от разгневанного шефа. Но тот лишь ответил:

– Из куриной слепоты они делали страшный яд. Рецепт

утрачен.

Начальник поглядел на Илью Даниловича с нехорошей усмешкой.

– Девять шансов из десяти, что наших коллег ликвидировала разведка противника, пользуясь этой японской хреновиной, чтобы нам головы заморочить. Но это забота второго главка. А мы отвечаем за побочную линию расследования. На всякий случай.

Логинов знал, что генерал выполняет больше не задание конторского руководства, а инструкции Клаба. Влезая в эту игру, Илья Данилович вступал на минное поле...

– Иван Петрович... – начал, было, он, но шеф прервал его неожиданно злым и льдистым взглядом из-под сановных очков. Он тяжело поднялся, подошёл к шкафу, в котором обнаружился небольшой сейф. Прикрываясь от Логинова, набрал код, вытащил что-то и сразу же захлопнул дверцу.

– Вот, – он бросил на стол несколько пухлых папок, – доступа такого уровня, чтобы читать это дело, у тебя нет, но я за тебя поручился перед... – шеф возвёл очи горе, – вышестоящими товарищами. Ознакомишься прямо здесь, – он кивнул на небольшой стол со стулом в углу. – Выписки де-

лать можешь, но шифром. А лучше запоминай. Я пока в буфет схожу.

* * *

Сухие документы дела гражданина Японии Иванэ Камбэя, он же Иванов Клим Иванович, потрясли Логинова не хуже какого-нибудь лихо закрученного детектива. В 1947 году в красноярскую квартиру оперативника УМГБ по работе с военнопленными в 34-м лагерном управлении Григория Висковатова постучался невысокий, но крепкий японец в потрёпанной полевой форме. Он безупречно вытянулся по стойке смирно и не совсем чисто, но чётко отрапортовал по-русски, что «имеет важное заявление». Времена для японских пленных были мягкими – их практически расконвоировали, а дыры в лагерном ограждении никто не заделывал. Легко было отлучиться и с объектов в городе, где они работали. Так что Висковатов не удивился и принял от японца бумагу. Тот несколько раз низко поклонился и исчез, а бумага пошла, куда положено. Теперь её рассматривал Логинов. Написана она была иероглифами, но в папку был подшит перевод.

«7 рокугацу 22-го года Сёва⁶. Его превосходительству

⁶ 7 июня 1947 года

начальнику советской кэмпэйтэй⁷ в городе Красноярске от пленного Иванэ Камбэя, тайи дай-Ниппон тэйкоку рикугун⁸.

Ваше превосходительство! Моя вина перед советской армией и кэмпэйтэй безмерна, поскольку я ввёл в заблуждении органы следствия, назвавшись пехотным гунсо⁹. На самом деле я являюсь военным разведчиком и имею звание тайи¹⁰. Я обманул следователя, потому что боялся расстрела. Добровольно уйдя в армию на 14-м году Сёва¹¹, я с самого начала был в непосредственном подчинении командующего Пятой армией в Манчжурии генерала Доихары Кэндзи, который одновременно возглавлял всю Имперскую разведку. Сейчас он находится под следствием оккупационных американских властей.

Сначала я был преподавателем в центральной разведывательной школе Накано-гакко, позже – в колледже Тун Вэня в Шанхае. Потом возглавил особую группу, совершавшую тайные операции в Маньчжурии, Китае, Монголии, Корее и на советских территориях. Обязуюсь предоставить полный и искренний отчёт об этой моей деятельности. В плен я сдался

⁷ Военная полиция в Императорской Японии

⁸ Капитана армии великой Японской Империи

⁹ Сержант

¹⁰ Капитан

¹¹ 1939 год

22 хатигацу 20-го года Сёва¹² в Харбине. Поскольку я имел при себе поддельные документы, согласно которым был сержантом тылового обеспечения, моё настоящее звание и род деятельности раскрыты не были.

Высокого положения в Императорской Армии я достиг потому, что являюсь дзёнином¹³ и пятнадцатым патриархом школы ниндзюцу Накагава-рю, основанной Накагава Кохаюто триста лет назад. С начала годов Мэйдзи¹⁴ школа продолжала свою традицию в тайне. Моим учителем, четырнадцатым патриархом школы, был прямой потомок Кохаюто – Накагава Масао. Не имея детей и считая меня лучшим учеником (сам я сирота, не знающий своих родителей, Масао-сенсей подобрал меня на улицах Токио), перед своей смертью на 13-м году Сёва¹⁵ он при свидетелях передал мне звание и атрибуты патриарха школы. Однако другой его ученик, Оцу Икусукэ, попытался оспорить решение учителя после его смерти. Это ему не удалось, и тогда он, обладая связями в кэмпэйтай и близком к правительству обществе Гэньёся¹⁶, раскрыл секрет существования нашей школы и обвинил меня в государственной измене и подготовке убийств.

¹² 22 августа 1945 года

¹³ Предводитель

¹⁴ 1868 год

¹⁵ 1938 год

¹⁶ Влиятельное националистическое общество в Императорской Японии

Меня спас генерал Доихара Кэндзи, который имел долг перед памятью Масао-сенсея, поскольку тот был и его тайным учителем. Доихара-сама устроил меня преподавателем в разведшколу, тем самым выведя из-под удара. Школа Накагава-рю объявила о самороспуске, но я не сомневаюсь, что она продолжает действовать в подполье. Несомненно также, что возглавляет её самозванец Оцу.

Я совершил немало преступлений против народа СССР и его союзников, но всё это произошло во время войны. Теперь я не питаю к России никаких злых чувств, живу с русской женщиной, скоро у нас родится ребёнок. В Японию возвратиться не могу – там я или попаду в тюрьму к американцам, или буду убит своими врагами. Потому нижайше прошу Вас отменить решение о моей отправке на родину и оставить на проживание в Советском Союзе. Обязуюсь предоставить всю информацию, которой обладаю, а также выполнять другие поручения, если советская кэмпэйтэй сочтёт нужным их на меня возложить. Иванэ Камбэй»

Ха

Логинов встретился с ним в час жаркого заката на Патриарших прудах. Приблизительно сорокалетний плотный уса-
тый мужчина в дорогих очках и серой летней паре уже ждал
его в тени лип на скамейке у недавно воздвигнутого памят-
ника великому баснописцу. Вместо приветствия он подал
подошедшему Илье Даниловичу невесть откуда взявшуюся
бутылочку холодной «Пепси-колы», которую тот схватил с
благодарностью – парило отменно, чекист весь исходил по-
том. Мужчина, не утруждая себя представлением, занялся
второй бутылочкой буржуазного напитка. Впрочем, на его
свежевыбритом лице жара как будто не оставила никаких
следов.

– Прежде всего, – заговорил он негромко и веско, – вы,
Илья Данилович, должны себе чётко представлять, с чем
именно столкнулись. Синоби мотивированы совсем иначе,
чем мы. Убийство для них – религия, обман – путь самосо-
вершенствования. Они не считают врагами тех, против кого
сражаются, но убить человека для них – просто исполнение
функции. Выступая против них, надо понимать, что в их ми-
ре не существует ничего твёрдого, неизменного, буквально
всё – вы понимаете? – может оказаться фикцией. Они – ма-
стера иллюзий, почти волшебники в этом деле...

Слегка обалдевший от жары и странных слов Логинов внимал, тем не менее, скептически. Слишком много слышал он в своё время подобных речей полубезумных сектантов, и все они были убеждены в своей правоте. Но собеседник посмотрел ему в лицо, и Логинов неожиданно почувствовал, что этот парень за свои слова отвечает.

– Илья Данилович, поверьте, я не шучу и не хвастаюсь: даже при всех возможностях вашей организации, найти в СССР лучшего эксперта по интересующему нас вопросу, чем тот, кто сидит перед вами, невозможно. Так что спрашивайте, спрашивайте больше. Возможно, это спасёт вашу жизнь и жизни ещё многих людей.

Почему-то Логинов уверился, что так оно и есть.

– Зачем они, эти ниндзя, Клабу? Да, если уж на то пошло, и Артели? – задал он вопрос, который мучил его больше всего.

Собеседник пожал плечами.

– Легко догадаться. Прекрасное оружие не может не иметь хозяина. А ниндзя это именно оружие, которое создавалось и оттачивалось веками. Сейчас их почти не осталось, кла-

ны, дожившие до наших дней, действуют в глубоком подполье. Но заинтересованные силы знают об их существовании и пользуются ими.

– А почему они ушли в подполье?

– Стали слишком опасны для властей. Пока в Японии шли гражданские войны, все стороны прибегали к их услугам, но когда начал устанавливаться порядок, кланы синоби оказались дестабилизирующим фактором. Ну и работы у них сильно уменьшилось, и они принялись искать её сами – занялись обычным криминалом. Потому их частично уничтожили, а частично загнали на зады общества.

– А разве спецслужбы не пользуются этой системой? Я слышал...

– Да, – мужчина отхлебнул пепси, – американцы кое-что взяли, израильтяне, и, конечно, японцы. Во время войны они пользовались ниндзюцу очень широко. Но большая часть их диверсантов, которые гордо именовали себя «синоби», таковыми не являлись, а просто использовали некоторые известные приёмы. Наш дедушка Иванэ и его покровитель генерал Доихара Кэндзи – редкие исключения. Видите ли, Илья Данилович, тренировка ниндзя начинается в утробе матери и не прекращается до смерти. Только первую половину жизни

он нарабатывает физические навыки, а вторую – духовные. Существует множество известных руководств по ниндзюцу, но всё это мёртвые слова, если нет человека, способного их растолковать и применить. Впрочем, очень многое из того, что было грозным в средние века, теперь несерьёзно. Ну, например, приспособления ниндзя вроде парашюта или газовых бомб. Сейчас такие вещи делаются гораздо лучше.

– Ну и зачем... – попытался прервать его Логинов, но мужчина продолжал, словно и не заметив.

– ...Но есть у ниндзя достижения, которые пока ещё никто не повторил. В области психотехники, например, да и не только. Тонко – формулы искусства невидимки и методы предсказаний онмёдо. Моментальный гипноз кобудэра и смертельное касание. Короче, тайны магии сюгендо.

Логинову вновь захотелось скептически хмыкнуть, но тут он застыл с открытым ртом. Рядом с ним никого не было! Только что сидевший, разглагольствуя и потягивая пепси, солидный, похожий на крупного комсомольского вожака, насквозь материальный гражданин исчез, словно растворился в душном мареве июльского заката.

Илья Данилович всерьёз испугался за свой рассудок. Заозирался с растерянным видом, словно ожидая увидеть во-

круг проступающие стены психиатрической больницы.

– Вот так примерно, – раздался спокойный голос, в котором почти не ощущалась насмешка.

Логинов уставился – дурак дураком – на вновь спокойно восседавшего рядом собеседника.

– А ведь я всего лишь подмастерье по сравнению с тем же Иванэ, – продолжал вещать тот. – Теперь вы понимаете, зачем мы все охотимся за его наследниками, раз уж они проявили себя?

– Вы... вы, – Логинов никогда не бывал настолько сбит с толку, – тоже... ниндзя?

– Да, – спокойно ответил собеседник. – Вы спрашивайте, Илья Данилович, спрашивайте.

* * *

Сержант госбезопасности Александр Васин, среди коллег – просто Саня, испытывал от задания лёгкую оторопь. Его стихией была слежка за малахольными святошами и нервными диссидентами. Первый раз ему поручали вести иностранного гражданина, да ещё молодую хорошенькую девушку.

Ну, командир, Илья Данилович, понятно, давно живым делом не занимался. Его и вытащили-то из запаса, бросив на эту дурацкую работу, потому что больше некому было её поручить. Но причём тут он, Саня – признанный мастер наружки? Неужели нельзя было использовать его против настоящих врагов государства?! Даже напарника для прикрытия, как положено, не дали. Мол, от кого и от чего тут прикрывать, у «топтунов» настоящей работы достаточно.

Саня горячо переживал несправедливость, потому что был ещё очень молод. Но объект свой из вида не терял – потому что был профессионалом. За два дня работы он, казалось бы, узнал всё про Сайго Миюки, восемнадцати лет, родившуюся в городе Осака, Япония. Поскольку она была дочерью депутата парламента от Социалистической партии, большого поклонника СССР, ей не составило труда поступить в Московский университет дружбы народов.

«Классная тёлка, хоть и косая!» – думал обливающийся потом под палящим солнцем Саня, любясь стройными ногами и изящными ягодицами подопечной. Вообще-то, обычно она сразу после занятий чинно шла в общежитие на той же улице Миклухо-Маклая, или ехала в библиотеку. Девушка была тихой и усидчивой. Как выяснил Саня, почти не участвовала в студенческих вечеринках, да и парня у неё не

было, хотя клеились многие, и не только немногочисленные университетские японцы. Но теперь она спустилась на станцию метро Беляево и села в поезд. Саня, прикрываясь за редкими в этот час пассажирами, не выпускал из вида миниатюрную азиатку в джинсах и скромной блузке. Даже в вагоне она не сняла солнцезащитные очки.

Миюки, а за ней Саня, вышла на станции «Площадь Ногина» и поднялась в центр столицы. Казалось, девушка шла неторопливо, но почему-то продвигалась так быстро, что Саня едва поспевал за ней. На Солянке вдруг свернула в глубокую арку одного из старых доходных домов. Саня было сунулся туда, но застыл столбом. Пока он её не видел, в руках у девчонки оказался яркий складной зонтик с разноцветными кругами. Вопиющая нелепость зонтика, раскрытого душным вечером в полутёмной арке, так ошеломила парня, что он перестал что-либо соображать. А может быть, ему просто напекло голову. Зонтик стал вращаться так, что разноцветные волны зарябили у Сани в глазах. Ему вдруг пригрезилось, что он, расслабленный, лежит на тёплом песке у Чёрного моря, куда ездил в прошлом году, и лениво наблюдает накатывающий прибой. «Почему волны такие яркие, почему они кружат в глазах? Я ведь сейчас усну...» Но он не уснул, а безвольно двинулся за ярким смерчем, потому что тот стал от него удаляться. А Саня этого не хотел, хотел проникнуть за это круговращение – он ведь точно знал, что там его ждёт

неописуемое счастье. Там тёплый пляж, ленивый рокот моря и красивая японочка в бикини будет лежать рядом с ним.

Он шёл, потом, кажется, стал подниматься, и поднимался довольно долго, но никак не мог догнать волны. Наконец осознал, что стоит где-то высоко, однако цветные змеи вертелись так бешено, что у него не было времени оглядываться. Пёстрое кружение было совсем близко. Сейчас он будет на волшебном пляже.

Изо всех сил рванулся Саня и оказался в оглушающей пустоте. Наваждение отпустило, и он понял, что стремительно несётся вниз. Он не успел испугаться или удивиться, даже крикнуть не успел – немилосердно твёрдый асфальт широко расплескал алый сок его жизни.

С крыши старинного дома девушка в тёмных очках и с ярким зонтиком равнодушно поглядела на искорёженное тело, нелепо раскинувшееся на дне мрачного двора-колодца. Она ничего не имела против этого парня, но умертвила его, потому что сочла это оптимальным выходом. Конечно, оторваться от его слежки ей ничего не стоило, но лучше было решить проблему сразу. «Если враг опасен, не оставляй его в живых», – юная куноити¹⁷ очень хорошо запомнила поучения деда.

¹⁷ Женщина-ниндзя

Её экстремальное чувство, развитое годами тренировок, успело предупредить, что она не одна на крыше, но серые сумерки уже сгустились и бросились на неё. Куноити мгновенно ушла от атаки, сложенный зонтик в её руке щёлкнул и выпустил тонкое лезвие. Неясная фигура в сёдзоку¹⁸ под цвет вечернего неба махом руки отбила удар клинка, который со звоном сломался. Стальные когти на массивном железном браслете – те самые тэкко-каги – коснулись плеча Миюки, вырвав оттуда порядочный клочок мяса. Девушка не обратила на это внимания и, уйдя от удара другой руки, вдруг плюнула в блестящие из-под маски глаза напавшего. Тот отклонился, и стайка стальных игл, с силой вылетевшая изо рта девушки, ушла в пустоту. Одновременно противник подпрыгнул и, сделав сальто... исчез.

Откуда-то со стороны раздался резкий свист. Куноити в свою очередь подпрыгнула, и, увернувшись от сюрикэна, тоже проделала сальто. В воздухе она сорвала с себя пояс, из которого со звяканьем вылетела тонкая цепочка с грузиком, и попыталась захлестнуть ею мелькнувшего на периферии взгляда врага. Тот поймал цепочку и резко дёрнул. Миюки упала, но тут же, собравшись, как кошка подскочила и сама метнула сюрикэн, впрочем, легко отбитый.

¹⁸ Маскировочный костюм ниндзя

Внизу, где валялось тело сержанта Васина, уже некоторое время раздавались взволнованные голоса, а теперь послышались сирена и шум въезжающего в арку автомобиля. Противники прервали контакт и одновременно бросились в разные стороны. Миюки, не раздумывая, прыгнула с крыши на другую сторону дома, на середине стены оттолкнулась от неё ногами, раза три сделав сальто, благополучно приземлилась и сразу растворилась в душном вечернем мареве. Второй синоби неправдоподобно легко исчез в чердачном окне. Ни собравшиеся вокруг трупа местные, ни прибывшая на место происшествия милиция его не видели.

* * *

Гири – японское понятие долга, который должен быть исполнен, несмотря ни на что. «Мы – истинный клан Накагава-рю», – так говорил Клим Иванович, и это впечаталось в меня навечно. Он, конечно, смертельно рисковал, когда раскрылся перед чекистами и предложил им своё сотрудничество. Искать нанимателя – обычно для синоби, но ему могли не поверить, могли судить и расстрелять, или просто расстрелять. Тогда всё зависело от конкретного начальника, особенно так далеко от Москвы. Ему повезло, что он попал на Висковатова, который что-то слышал про ниндзя и заинтересовался. Но Висковатов потом его и предал... Война перевернула жизнь свёкра, лишила его родины, клана, свобо-

ды. Он оказался в незнакомой стране один-одинёшенек. Но на первом месте у него было гири перед его школой. И всё, что он делал, было для того, чтобы сохранить и привить на новой почве Накагава-рю. Разве что женился он просто так, от тоски и одиночества. Свекровь стала для него якорем, который зацепил его в новой жизни. Простая деревенская женщина, она просто любила мужа и знать ничего не хотела про ниндзя и гири. Но создала для него ещё одно гири – долг перед ней самой. Этот долг остался на нём до конца, потому что она рано ушла, оставив его с маленьким сыном.

Иванэ Юки, Юки-сан, Юра мой, Юра! Это чудо, что мы встретились – ты, таинственный юноша, и я, выпускница дома сирот. Отец называл его Юки, Снег, потому что родил его в снежной стране, а мать переделала в Юрий. В свои восемнадцать он выглядел, да и был взрослым мужчиной – синоби мужают рано, а отец постарался сделать из него настоящего синоби. Таким образом он отдавал гири его матери. А как он ещё мог сделать это?.. И как я, бедная девчонка, грезящая о прекрасной жизни, копаясь в грязи, могла устоять перед мерцающим взглядом раскосых светлых глаз?

Не сразу он рассказал мне о своей семье – сперва отец тайно проверял меня. Он делал это не только через КГБ, хотя на меня, как на «члена семьи изменника Родины», материалов там было много. Будущий свёкор ещё устраивал для

меня разные ситуации, словно бы случайные происшествия, внимательно наблюдая со стороны, как я себя поведу. Все испытания я прошла, и Юра стал понемногу открывать для меня мир ниндзя. Сначала он показался мне захватывающей сказкой, потом я поняла, сколько в нём страха и боли, но к тому времени у меня уже было своё гири – перед мужем. И я от рождения понимаю, что такое долг. Может быть, потому, что родители мои были российскими дворянами – это всё, что я про них знаю.

Теперь, когда и свёкор, и муж мертвы, и я знаю их убийц, гири повелевает мне отомстить. И я... мы сделаем это. С моим единственным ребёнком, который, в отличие от меня, настоящий и подлинный синоби. Я ведь так и не стала куноити, лишь нахваталась кое-чего от свёкра и мужа. Но пока я – законный глава школы, и так будет до тех пор, пока я не расскажу своему ребёнку, где спрятан свиток. Потому что у кого свиток, тот и есть патриарх Накагава-рю.

* * *

Логинов двое суток занимался этим делом и прочувствовал всю его сложность, но, помимо воли, начинал увлекаться. Слишком необычно, ни на что не похоже... Ему очень хотелось почитать отчёты об операциях Иванэ-Иванова, проведённых им одним, а потом и с сыном Юрием по заданию ГБ.

Но эта папка была из дела удалена. Он только узнал из косвенных упоминаний, что «агент Призрак» работал в Корее, Вьетнаме и на советско-китайской границе. И выполнял какие-то задания на территории СССР. Конечно, Артель могла бы предоставить Логинову любую информацию, но он кожей чувствовал – времени на это катастрофически не хватало.

Призрака курировал отдел второго главка «Восток», который со временем возглавил Висковатов – очевидно, своим переводом в Москву он был в немалой степени обязан тому, что нашёл такого прекрасного агента. Иванэ получил советское гражданство и паспорт с русским именем, женился на своей женщине, родился сын. Жили они на таёжной заимке, официально Клим Иванов работал лесником. Впрочем, была у него и квартира в Красноярске. В городе его сын познакомился с молодой работницей ткацкой фабрики Лидией Синициной и вскоре женился на ней. А вот с ребёнком их была полная неясность – факт рождения не вызывал сомнения, но неизвестен был даже его пол. Лидия рожала в тайге и, по её собственному заявлению и свидетельству родных, младенец родился мёртвым. Похоронили его в тайге же. Разумеется, будь это обычное советское семейство, не миновать им долгих разбирательств, но в данном случае дело спустили на тормозах.

Тем более что последующие бурные события заставили

всех забыть о мёртвом малыше. По официальной версии, три года назад агенты Призрак и Молодой (Юрий) «вышли из-под контроля». Их заимка была заблокирована бойцами Группы «А», которые во время боя потеряли пятерых убитыми и восемь ранеными – для этого подразделения потери огромные! И это при ликвидации всего двоих – Лидия была в Красноярске. Но сопротивления было подавлено, дом подожжён из огнемёта и прогорел так хорошо, что позже там нашли лишь несколько обугленных костей, принадлежащих двум людям.

Между строк Логинов легко прочитал, что опасную парочку попросту решено было ликвидировать. Возможно, они узнали что-то не то, а возможно, и правда собирались выйти из игры. Но из такой игры живыми не выпускают. Во всяком случае, докладная записка об их потенциальной опасности была подшита к делу и подписана непосредственно курировавшим на месте «группу Призрака» старшим лейтенантом Андреем Чижиком. Санкцию на ликвидацию дал новый начальник отдела «Восток» второго главка Владимир Рукавишников, тогда ещё полковник. Висковатов был уже в отставке, но, разумеется, с ним консультировались.

Итак, мотив убийств высокопоставленных комитетчиков был налицо – месть. Но кто мог мстить? Только Лидия. Однако она, судя по всему, не обладала необходимой квали-

фикацией. Замкнутый круг... Тем более что сведений о её дальнейшей судьбе в деле не было. Запрос в Красноярск дал удивительный результат – сразу после смерти мужа и свёкра женщина просто исчезла. Но в СССР люди просто так не исчезают. Если она решила мстить, то перебралась в Москву, где собрались все виновные в гибели её мужчин.

Результатом двухсуточной бессонной работы Логинова и приданной ему группы было установление наиболее вероятных фигурантов. Елизавета Лапшина, приехала в Москву по лимиту два года назад из Омска. Воспитанница одного из тамошних детдомов, что подозрительно – Лидия ведь тоже детдомовка... А что город другой, так, надо думать, у этой семейки были возможности обзавестись ворохом поддельных документов. Елизавете, правда, двадцать девять лет, а Лидии должно быть тридцать три, но для хорошей актрисы это не проблема. В Омске в школе-интернате у неё осталась дочь, и она пыталась забрать её в Москву. А Логинов всё-таки имел в виду якобы умершего ребёнка Ивановых – не верил он им... Другая кандидатура была менее вероятна – Наталья Терская, тридцати пяти лет. Переехала из Севастополя к дальней родственнице, очень пожилой, требующей постоянного ухода. Год назад родственница скончалась, и приезжая провинциалка стала обладательницей трёхкомнатных московских хором на Солянке, где и живёт с сыном-инвалидом. Вряд ли имеет отношение к делу, но проверить надо.

У Логинова был и третий вариант, хотя здесь он перебежал дорогу работавшим над тем же делом контрразведчикам. Но Илья Данилович привык полагаться только на себя, потому и решил проверить проживающих сейчас в Москве японцев. И обнаружил, что подходящий фигурант всё время находился у него под боком – в университете, где он преподавал. Правда, Сайго Миюки приехала в Москву всего год назад, но Логинов заинтересовал один из фактов её биографии – на родине она была мико¹⁹, что, на взгляд Ильи Даниловича, было странновато для дочери видного социалиста. Безымянный же собеседник с Патриарших говорил, что под мико часто маскировались куноити...

Логинов даже припоминал скромную молодую японочку, пару раз сдававшую ему зачёт. Он не верил, что та могла быть одним из этих жутких людей, но долгие годы работы приучили его проверять всё. Потому пустил за студенткой молодого, но ловкого Саню и не сомневался, что вскоре тот доставит ему факты, позволяющие исключить Миюки из разработки. А сам отправился на окраину в рабочее общежитие, где жила ткачиха комбината «Красный суконщик» Лиза Лапшина.

Общага была как общага и Лиза как Лиза – простая, очень удивлённая и слегка напуганная визитом. Ничего не знала,

¹⁹ Прислужница при храме синто

и опыт Логинова подсказывал, что не врёт. В общем, типичная пустышка. Для порядка следовало послать на неё запрос в Омск и исключать из разработки. А вот Наталья Игоревна Терская оказалась дамой совсем другого типа – даже дома по моде одетая, с безупречной причёской и маникюром, она приняла комитетчика с лёгкой светскостью, в которой ощущался привкус пренебрежения. На вопросы отвечала не очень охотно, но, похоже, ничего не утаивала. Да, после смерти мужа-каперанга переехала к тётке, которая её давно уже звала. Да, не из-за тётки, а из-за сына, которому нужно лечение у столичных докторов. Да, не работает, но не бедствует – живёт на пенсию за мужа, и тётка оставила кое-что на сберкнижке. Так оно и было – Логинов успел проверить. Когда открыла комнату сына, оттуда ударил тяжёлый запах лекарств и застарелой мочи. Худенький юноша сидел у окна и бессмысленно глядел на улицу. Голова его откинулась на плечо, глаза мутнели, от уголка рта вислась ниточка слюны.

– Сейчас успокоился, но из-за вас может опять занервничать, – напряжённым голосом предупредила Наталья.

Логинов ушёл с тяжёлым чувством. В голове, как и все последние дни, слегка мутилось.

* * *

– Они добрались до нас.

– Мы этого ждали, мама.

– Слишком быстро. Мы не успели...

– Мы сделали почти всё.

– Остался главное. И это придётся делать тебе. А я прикрою здесь.

– Мама!..

– Не спорь. Пока свиток не у тебя, дзёнин – я. И помни: у нас есть ещё и другой враг.

* * *

Вечером третьего дня расследования одна за другой пришли три новости, а напоследок – четвёртая. И всё полетело в тартарары. В омском детдоме никогда не было Екатерины Лапшиной. Наталья Терская в Севастополе была, но про-

должала жить там после смерти мужа. По линии МИДа сообщили, что депутат японского парламента социалист Сайго Тецуо не имел никакой дочери. Три попадания. Это было ненормально. Это было странно и опасно. И когда стало известно, что труп сержанта Александра Васина найден в том самом дворе на Солянке, где проживала Терская с сыном, Логинов понял, что завяз в какой-то дьявольской паутине.

Тем не менее среагировал сразу. Две группы захвата поехали в общежития текстильного комбината и университета, а с остальными Логинов помчался на Солянку. Жаркий день совсем догорел, но духота ещё пряталась в тёмных закоулках запущенного двора. Небольшая кучка зевак с ликующим ужасом пялилась на безобразное бардовое пятно на асфальте там, где лежало увезённое уже тело сержанта Васина. Старушки на скамейках оживлённо обсуждали происшествие.

Группа взлетела на шестой этаж, и Логинов забарабанил в двери квартиры Терской. Эффекта это не возымело. Он прислушался. За дверью царила гулкая тишина. Он дал знак дюжему оперативнику и тот с силой врезался в дверь плечом. Та открылась, и оперативник получил страшный удар. Логинов мельком увидел странную бамбуковую лопаточку, хитро прикреплённую к двери с обратной стороны на уровне человеческого роста – она и переломала нос оперу. Капитан выхватил пистолет и ворвался в квартиру. Его опередил дру-

гой оперативник, но тут же болезненно вскрикнул, запрыгал на одной ноге, закричал ещё громче и упал. Логинов увидел, что весь пол в прихожей усыпан железными «ежами» с острыми шипами²⁰, которые глубоко вонзились его человеку в подошвы. Другой «ёжик» пронзил глаз упавшего, тот со стоном пытался его вытащить, но руки впустую скользили по крови и глазной жидкости.

Логинов пару раз выстрелил в комнату. Осторожно, держа пистолет наизготовку, сунулся туда. В комнате никого не было. Комитетчики быстро осмотрели квартиру. Она была пуста. Пока они стояли в растерянности, один из группы схватился за затылок и рухнул ничком. Из загривка у него торчала маленькая стрелка. Он хрипел и бился, глаза закатились. Чекисты открыли бешеный огонь во все стороны, пока не услышали от старшего приказ:

– Отставить!

Дверь в комнату сына со скрипом раскрылась. Перед Логиновым предстало видение – статная женщина в ярком японском кимоно, высокой причёске и неподвижным скуластым лицом. Сперва чекист подумал, что оно набелено, но тут же понял, что это маска. Пятнами выделялись на нём слишком высоко нарисованные чёрные брови, мрачно по-

²⁰ Тэцубиси

блёскивали неживые глаза, алые губы сложены были в злобщей улыбке, показывающей – это почему-то больше всего ужаснуло Логинова – чёрные зубы. Женщина стояла молча и прямо, отсутствующим взором глядя куда-то за спину чекиста. Неожиданно, с гортанным криком, от которого кровь застыла в жилах, она щелчком открыла пёстрый веер. Громко затрещало, загрохотало, повалил густой дым, и свет померк для Ильи Даниловича.

Очнулся он на больничной койке. Рядом стоял один из помощников.

– Что случилось? – с трудом спросил Логинов. Во рту было сухо, как после трёхдневной пьянки.

– Какой-то ядовитый газ.

– Потери?

– Двое убитых, двое раненых, трое отравленных.

Илья Данилович застонал и откинулся на подушку.

– А она?

– Кто?

– Женщина в кимоно.

– Мы не видели женщины, – чуть помолчав, произнёс оперативник. – Но кто-то был. Там потайная комнатка, связанная со всеми тремя через стенные шкафы. И лаз на чердак. Мы никого не нашли.

– Она там была, – убеждённо сказал Логинов. – Она и Лапшина, и Терская. Как такое может быть?..

Оперативник кивнул.

– Да, она могла играть обе роли. Соседи говорят, что Лапшина часто жила то у мужчин, то у подруг и в общаге не появлялась. А Терскую соседи почти никогда не видели, разве что иногда гуляла с сыном по двору.

– А сын?

– Никаких следов...

Чертовщина, – простонал Логинов.

За последний год Тихарь довольно часто появлялся в этой квартире. Её хозяин – совсем олдовый чувак, с вислыми усами и грязной гривой, в которой обильно пробивалась седина, молча впустил худого подвижного юношу с незапоминающимся лицом. Хозяин, успевший ещё поносить в шестидесятых стилижий галстук «пожар в джунглях» и башмаки на каучуковой подошве, позже с джаза прочно съехал на битлов, облёкся в джинсу и стал окончательно потерян для советского общества. Его регулярно прихватывали и выселяли на 101-й километр, но он всегда возвращался в Москву, в пятикомнатную квартиру, оставшуюся от родителей-дипломатов. В этих хоромах он устраивал настоящий гадюшник, пуская без разбора различных асоциальных типов – центровиков, рокеров и торчков. По идее, гнилой отпрыск здоровой советской семьи давно должен был чалиться в зоне, хотя бы за наркотики. Но кое-кто кое-где прикрывал пожилого обалдуя.

– Перекантоваться бы пару дней, – попросил Тихарь, разумеется, тихо.

Кличку ему дали именно за его скромность и незаметность. Он молча сидел, односложно отвечал, когда обраща-

лись к нему, и было понятно, что здешним сленгом он владеет вполне. Но он никогда первым не вступал в беседу. Слушал музыку, мог глотнуть портвейна или затянуться косячком, если ему предлагали. А потом так же тихо уходил. Некоторые подозревали, что этот невысокий хрупкий на вид паренёк стукач, но против этого говорила его молодость – едва ли шестнадцать. Никто не знал, где он живёт и кто его родители, да что там, имени его настоящего тоже никто не знал. Но деньги у него водились, и если не хватало на пузырь, Тихарь молча лез в карман, после чего хватало. Стукачей в системе²¹ и так было достаточно (да хоть бы сам хозяин, который не зря столько лет оставался на свободе), так что никто статусом таинственного чувака не заморачивался.

Хозяин кивнул и указал на двери в конце коридора. Тихарь знал, что за ними маленькая комнатка, в которой обычно уединялись парочки. Он быстро и тихо прошёл туда, бросил в угол большую спортивную сумку, скинул кроссовки и улёгся на расшатанную любовными играшками тахту.

Сегодня тут было шумно – квартирник давал гость из Питера. Хата была забита длинноволосой молодёжью в джинсах и фенечках. На огромной кухне, где пел под гитару гость, пипл сидел на всём, на чём можно было, вплоть до пола, а часть была вытеснена в длинный коридор. По рукам ходили

²¹ Сообщество советских неформалов

стаканы с вином, клубился дурманящий дым конопли.

– Этой ночью небо не станет светлей...²² – пел гость – худощавый чувак изрядно подшофе с сумасшедшими глазами и хитроватой улыбочкой. Но песня его была мрачней некуда.

Он пьёт, но едва ли ему веселей.

Он не хочет веселья, он хочет вина,

Чтоб ещё чуть-чуть отложить слово «пора»...

Тихарь лежал на спине, закинув руки за голову. Мысле-образы всплывали в его сознании, постепенно выстраиваясь в цельную картину.

«Мама... Она жива, я знаю, им её не убить... Они убили отца и деда. Меня не убьют, я уже убивал их сам. Фудо... Фудо-мёо²³... Боль и страх. Хватит, все уже мертвы... Есть ещё кто-то – не от них, я чувствую. Они все чувствовали это – и мама, и отец, и дед... Здесь опасно, хозяин стучит. Завтра надо уходить. Может, ночью? Нет, надо отдохнуть, подумать. Ночью они до меня ещё не доберутся»

Чужое дыханье на чьём-то плече,

Когда оно было твоим.

Будь один, если хочешь быть молодым...

²² «Аквариум», «Сентябрь»

²³ Одно из «грозных» божеств буддизма, особо почитался ниндзя

Пронзающий голос из кухни добрался до его сознания, сбил поток мыслей и по какой-то ассоциации переключил их.

«Девчонка на крыше... Глаза раскосые. Куноити. Здесь нет ниндзя, кроме нас. Значит, оттуда. Найти бы... Времени нет, нет... Я не хочу в Японию. Я не японец. А кто я?.. „Тебя зовут Фудо, в честь Фудо-мёо“ Нет, тити²⁴, меня зовут Фёдор... Федя, так меня зовёт хаха... ока-сан²⁵... мама. Не знаю Японию, не хочу туда. Я русский, я хочу остаться здесь... Боль и страх...»

Все вниз, сегодня будем праздновать ночь!

Сентябрь сладок. Праздновать ночь без конца...

«Может быть, девчонка от тех, других?.. Кто они? Ищут меня, ищут маму... Свиток... Сейчас главное свиток. Накагава-рю должна жить. Фудо. Фёдор. Накагава-рю это я... Нет, с мамой всё в порядке. Она ушла, конечно, ушла от них... Но свиток... Он в тайнике. В тайге. Надо лететь... Из Москвы нельзя. Они смотрят за аэропортом... И за вокзалами тоже. Хозяин стуканёт... Завтра, сегодня он пьёт. Умертвить. Так, чтобы никто не понял. Наверное, опять запивает колёса вином, никто не удивится... Три точки нажать на шее, дер-

²⁴ Папа (яп.)

²⁵ Мама (яп.)

жать десять ударов сердца. Ничего не почувствует. Сколько смертей... Какая тоскливая песня...»

Белый стол, чёрный чай, пурпурное вино...
Я знал того, кто знал её,
Но я не помню его лица...

Тихарь полностью отдался сумеречному очарованию мелодии. Мысли его потеряли чёткость и окрасились тёмно-пурпурным.

– Праздновать ночь без конца, – пел ленинградец, повторяя эту строчку много-много раз. Разе на шестом Тихарь заснул. Ему снились страх, боль и бог Фудо в языках пламени.

Он проснулся, как от толчка. Свет июльского утра не полностью ещё расправился с теменью. Одним движением, бесшумно и гибко поднялся с тахты, выскользнул в коридор и осторожно открыл двери спальни. Большую часть её пола занимал огромный пружинный матрац, на котором спали несколько вчерашних гостей. Хозяин лежал на спине и был совершенно наг, как и совсем молоденькая хипушка, обвинявшая его шею тонкими руками в фенечках. Рядом с ними на полу валялись пара пустых бутылок и упаковка из-под люминала. Несколько секунд Тихарь глядел на тощее тело хозяина, покрытые варикозными звёздочками ноги, редкую седую поросль вокруг сморщенного члена, источавшую

страшные хрипы и выхлопы перегара язву рта, пульсирующую жилку на шее... Повернулся и пошёл в ванную.

Выйдя оттуда, он столкнулся с выбирающимся из туалета вчерашним певцом. Бачок шумел, набирая воду после спуска, но в туалете всё ещё стоял тяжёлый дух блевотины.

– Выпить есть? – певец глянул на Тихаря мутными, в кровавых прожилках глазами.

– В холодильнике глянь, – ответил тот.

Они вместе прошли на кухню, представлявшую собой вопиющий хаос. Пока Тихарь ставил на газовую конфорку чайник, рокер намертво присосался к извлечённой из холодильника бутылке «Жигулёвского» и поставил её на стол совершенно пустой. Сам тяжело опустился на шаткий табурет.

– Мне в Питер надо. Сегодня, – пожаловался он тонким голосом. Впрочем, глаза его после пива посоловели и стали чуть менее тоскливыми.

– Билеты уже поздно брать, – пожал плечами Тихарь. – Может, на «собаках»²⁶?

²⁶ На пригородных электричках

– Не успею за день, – с сомнением протянул парень, закуривая «Родопи».

– Да нет, на шесть утра успеешь ещё, если сейчас рванёшь, вечером там будешь, – заверил Тихарь, заваривая себе растворимый кофе.

Кухня наполнялась помятым пиплом. Девушка хозяйина тоже была тут, но сам он продолжал почивать сном праведника. Хлопала дверца холодильника, гремели чашки. Питерский достал ещё пива и задумчиво прихлёбывал, не обращая внимания на восхищённо разглядывающих его тинейджеров. Наконец, похоже, принял решение.

– Народ, кто со мной в Питер на «собаках»? – возгласил он хриплым голосом, и молодёжь восхищённо заверещала.

Сержант госбезопасности Онищенко, старательно изображающий на Ленинградском вокзале ждущего поезд командировочного, равнодушно скользнул взглядом по группе неформальных юнцов, едва успевших ввалиться в первую электричку до Калинина. Длинные волосы, бисерные украшения, потёртые джинсы... Грязные, выпившие, гомонящие... Система. Буржуазная тля, отщепенцы, пена. Ладно, и до них ещё руки дойдут. Пока же сержант Онищенко охотился за другим типом – куда более опасным.

Электричка дрогнула, трогаясь.

Никто из уставшей полупьяной компании, выгрузившейся на Московском вокзале Ленинграда в двенадцатом часу ночи, не заметил, куда делся Тихарь. Да и не ломал над этим голову – чувак был не самым популярным в их тусовке.

На следующее утро в аэропорту Пулково на рейс до Красноярска села молоденькая девица. Двум пытающимся подклеиться к ней поддатым командировочным она словоохотливо рассказала, что не поступила в ЛГУ, но обязательно поступит в следующем году, а сейчас летит домой, к маме. Девчонка была наивной и очень хорошенькой, хотя и слегка по-мальчишески угловатой.

* * *

Тем же утром, чуть позже, в московском аэропорту «Домодедово» на рейс «Москва – Красноярск» сажился средних лет мужчина в сером костюмчике и со стандартным лицом. В кассе он предъявил некую красную книжечку, после чего билет ему оформили без всяких проблем. Регистрацию прошёл так же быстро, никого из строгих проверяющих не заинтересовала даже наплечная кобура с заряженным ПМ.

На тот же борт поднялась хрупкая азиатка. «Чебодаева Алтыной Сатыровна, 1942 года рождения, прописана в городе Абакан», – прочитала в её паспорте контролёрша на регистрации. В самолёте дама из Абакана тихо сидела, рассматривая облачный ковёр за иллюминатором. Дождавшись скудного аэрофлотовского обеда, аккуратно съела всё, откинулась на кресло и вроде бы задремала. Никто не замечал острого блеска прикрытых узких глаз, неотрывно глядящих в затылок обладателю красных корочек и пистолета, сидевшему впереди через проход.

В красноярском аэропорту Емельяново от кучки встречающих к нему подошёл ничем не примечательный парень в парусиновых «бананах» и ковбойке.

– Логинов, Илья Данилович? – негромко спросил он, внимательным взглядом окидывая прилетевшего.

Тот кивнул.

– У меня машина, поедem в город, – сказал парень.

Вместе с Логиновым они пошли к стоянке. Дама по имени Алтыной не спеша направилась к автобусной остановке.

С приземлившегося три часа спустя борта из Ленинграда

сошли двое подвыпивших командировочных вместе с юной девушкой. Впрочем, она очень быстро пропала с их глаз. Мужики, все пять часов полёта безуспешно пытавшиеся подпоить девицу, сначала пытались найти её в аэропорту, потом махнули рукой и направили стопы к ближайшему магазину за пивом.

* * *

Илья Данилович не совсем оправился от отравления, а тут ещё четырёхчасовой перелёт... От усталости и недомогания всё казалось нереальным. Но время не ждало. Потеряв все ниточки, Логинов мог только отправиться туда, где всё началось...

В красноярской управе, расположенной в небольшом по столичным меркам сером здании в центре города, его принял майор из контрразведки. Немолодой еврей с типичной внешностью и акцентом, обладал мушкетёрскими усами и бородкой, непрерывно курил «Беломор», причудливо сминая мундштук папиросы, и травил еврейские анекдоты. Казалось, дело, по которому прибыл Логинов, несколько его не интересовало, но Илья Данилович заметил цепкий взгляд, а когда беседа добралась до сути, понял, что собеседник не упускает из его слов ни грана информации.

Впрочем, ничем особенным тот Логинова не порадовал.

– Я к делу Призрака отношения не имел, – говорил он, прикуривая очередную папиросу от догорающей, – его вела Москва, а здесь курировал Андрюха Чижик. Земля ему пу-
ХОМ...

– Что, один? – спросил разочарованный Логинов.

– Да нет, были у него два поца на побегушках, контачили с группой Призрака, если Андрюхе некогда было.

– И где они?

Собеседник вздохнул и возвёл печальные чёрные очи к потолку.

– На том свете. Оба. В прошлом месяце один на машине разбился, а второй пошёл на Столбы²⁷, пьяный полез на Перо и грохнулся – еле кости собрали. Лучше бы на Бабу²⁸ лез...

Несмотря на ёрнический тон нечто очень похожее на страх промелькнуло в глазах майора.

²⁷ Заповедник причудливых скал близ Красноярска

²⁸ Названия скал характерных очертаний

– Как папашу с сыном ликвиднули, все документы по ним главк затребовал, – продолжал он. – Понятия не имею, что в них было. Знаешь же, как работаем: в чужой кабинет заходишь, а его хозяин бумажки текстом вниз переворачивает, чтобы ты не дай Бог чего не подсмотрел...

Логинов совсем расстроился – здесь тоже образовался глухой тупик. Его настроение собеседник заметил сразу.

– Да ты не кисни, Илюха, – хохотнул он, – радуйся, что в командировку слетал. Побудь пару дней, я в случае чего подтверждаю, что ты по делу бегал. Места у нас чудесные, в Дивногорск²⁹ на «ракете» сплаваем, порыбачим, на Столбы тебя свожу... Слухай сюда: у меня сегодня на работе ничего срочного, пойдём-ка, тут недалеко забегаловка есть отличная. Выпьём водки, пельмешками закусим – настоящими сибирскими.

Похоже, ничего другого Логинову не оставалось.

В забегаловке весёлого майора как подменили – он вдруг стал хмур и неразговорчив. Они чокнулись, засадили по полстакана почти не разбавленной «Столичной» и закусили щедро сдобренными сметаной пельменями, которые и правда оказались отличными.

²⁹ Стоящий в лесу городок рядом с Красноярской ГЭС

Помолчали, приняли ещё по сто, после чего майор заговорил так тихо, что Логинову пришлось наклоняться, чтобы разбирать слова.

– Я что точно знаю, что здесь микрофонов под столами нет, – говорил сиплым полушёпотом майор. – Гадюшник специально для наших, чтобы поговорить свободно можно было. В общем, Илюха, слухай сюда. Дело это тухлое, я это тухесом³⁰ своим чую.

Потупясь, он возил в сметане наколотый на вилку пельмень. Логинов молчал: знал, что нельзя давить на человека, который решает, стоит делиться информацией или нет. Особенно если этот человек коллега. Наконец майор, похоже, принял решение.

– Я с Андрюхой дружил, вот так же сидели, выпивали. Много чего рассказывал. Знал, что во мне, как в могиле. Но раз такое дело... Кто его убрал? Наши?

Логинов покачал головой.

– Нет. Точно не наши. Похоже, кто-то из той семейки уцелел...

³⁰ Задница (идиш)

Майор молча кивнул и разлил остаток водки.

– Я тоже думаю, что это ниндзя, – сказал он, наконец-то закусив уже насквозь пропитанным сметаной пельменем. – И Рукавишникова, и того деда, который до Андрюхи был.

Теперь и Логинову пришла пора утвердительно кивнуть. Майор раздавил до мундштука докуренную папиросу в пельнице и сходил за новым шкаликом.

– Но парней андрюхиных убрали наши, это точно.

– Ты же говорил, несчастные случаи... – заметил Логинов.

Смех майора был скрипуч и невесел.

– Ага, несчастные... Одного в машину без тормозов сунули на дивногорской трассе, да под откос и спустили. А второго с Пера скинули мёртвого уже. Пытали их перед смертью, понимаешь?! А я вот ни...я не понимаю!

Он сердито пристукнул большой ладонью по столу. Тарелки и стопки жалобно зазвенели. Водка взяла Логинова – в ушах словно бил отдалённый морской прибой, обстановка вокруг стала слегка размытой, и лишь лицо майора с горя-

щими глазами тревожило и прогоняло пьяное благодушие. Однако Илья Данилович владел ситуацией и автоматически фиксировал в памяти всё, что могло пригодиться.

– Такое впечатление, что кто-то в Конторе работает налево... – словно про себя произнёс майор, и Логинов напрягся: ни в коем случае нельзя, чтобы всплыло участие Клаба или Артели.

– Фигня, – с наигранным легкомыслием отмахнулся он.

Собеседник внимательно посмотрел на него, закурил новую папиросу, и, словно не слышал возражений, продолжал:

– Когда из Москвы пришёл приказ ликвидировать группу Призрака, Андрюха сам не свой был. Просто не понимал, зачем и кому это надо. Не выходили они из-под контроля, нормально работали, старик готовился к очередной операции на китайской границе...

Теперь Логинов посмотрел подозрительно.

– Слушай, а зачем ты мне всё это рассказываешь? Знаешь же, что я доступа к такой информации не имею. Да и ты, если уж на то пошло...

Майор глянул мрачно.

– Знаю, что рискую, – неохотно произнёс он, – но ты пойми, Андрюха Чижик моим другом был, почти братом. Когда его в Москву переводили, обещал меня за собой... Да я даже не о том. Очень хочется знать, какая погань его подставила. А что подставили – сто процентов. А ты...

Он разлил и они выпили.

– ...А ты, – продолжал он, – кажется мне, знаешь куда больше, чем рассказываешь. И можешь, думаю, куда больше. И ты наш. Я двадцать пять лет в органах и уж в людях разбираться научился.

Он опять заговорил полушёпотом, жарко и горячо. Логинов подумал, что собутыльник уже хорош. Но к словам его трудно было относиться, как к пьяному бреду.

– Слухай сюда, Илюха, – говорил он, – я сказал, что к этому делу отношения не имел, так вот – соврал. Имел. Правда, помимо службы. Понимаешь, попросил как-то Андрюха встретиться с агентом – сам не мог. В командировку срочную послали, а ему надо было кровь из носа этому агенту передать инструкции. Насчёт группы Призрака.

– Что за агент? – встрепнулся Логинов.

– Ты слухай, слухай, – навалившись на стол, майор дышал ему в лицо табаком и перегаром. – Помимо тех двух, что убрали, у Чижики ещё помощник был. И он жив, потому что в Конторе никак не засвечен. После того, как вся эта заваруха началась, залёг на дно и не дышит, чтобы его не достали. Понимаешь, Андрюхе до зарезу нужен был человек, чтобы постоянно присматривать за Призраком и его семейкой. И чтобы даже в Конторе о нём не знали. У него чуйка была, у Андрюхи – ого-го, сразу понял, что дело это смертельное, тиховаться надо от чужих и своих. А мне доверял, да...

– Так что за агент? – опять спросил Логинов.

– Лесничий. Начальник Призрака. Ты же знаешь, того для прикрытия лесником устроили. Ну, прикрыtie – не прикрыtie, а работал на совесть, японец есть японец. Браконьеров ловил, пожары тушил, деревца высаживал. Конечно, если на задании не был. А когда на задании, его сын или бабы лесом занимались. Наши, конечно, начальство лесхоза профилировали, чтобы там вопросов не задавали, но лесничего этого Андрюха сам завербовал, и не доложил никому. Думал, потом, как дело устаканится...

Повинуясь ассоциации, майор очередной раз плеснул в

стаканы. Но с Логинова хмель уже слетел. Он ускоренно прокачивал ситуацию. Всё это могло быть подставой. Но как избежать её, Илья Данилович в упор не видел. Приходилось следовать правилам игры, которую вёл майор – похоже, тот был опытным манипулятором. Не чувствуя вкуса, Логинов выпил водку и продолжал слушать.

– Лесхоз в глухом таёжном районе, телефонов нет, а сам не наездишься. Лесничий заезжал на заимку к Призраку, разговоры разговаривал, запоминал, а как в Красноярск приезжал – тут у него квартира есть – всё Андриюхе докладывал. Но в тот раз он в Москве был – как раз когда решили Призрака ликвидировать. Позвонил мне и попросил с лесничим встречаться – надо было срочно передать Иванэ, чтобы сидел на месте. Чтобы, значит, прихлопнуть легче было. Но дед японский что-то заподозрил и едва не ушёл. Шлёпнуть его шлёпнули, но у группы «А» потери страшные были.

Логинов спросил как можно более ненавязчиво:

– А фамилия-то есть у лесника?

Майор опять скрипуче рассмеялся.

– Илюха, завязывай перед старым волкодавом бутафорить. Разве ж я бы тебе всё это рассказывал, если бы данные

его зажать хотел? Всё скажу. Только слухай... – он нервно затанулся и воткнул папиросу в уже переполненную пепельницу, напоминающую кусок коралла, весь в белых отростках окурков, – ты этих гадов найди, понял?

Илья Данилович поглядел в лихорадочные глаза майора и кивнул.

* * *

– Кто вы? Как вы сюда попали?!

– Дорогой Иван Петрович, вам надо думать, не как я сюда попал, а как вам выбраться из того дерьма, в котором вы по уши сидите.

– Да я вас сейчас!.. Вы хоть знаете, кто я?

– Начальник пятого главка КГБ СССР, «пятки». Положите свой пистолет, садитесь и слушайте... Вот так, молодец. Я, с вашего позволения, тоже спрячу оружие – терпеть не могу держать собеседника под прицелом. Тем более это и не нужно – вы, дорогой мой, у меня под прицелом всегда.

– Кто вы?

– Клуб. А кто конкретно, вам знать не стоит.

– Раньше со мной связывались по-другому...

– То было раньше, а теперь просто нет времени. Вы, как это у вас говорится, наломали дров, дорогой Иван Петрович. Вам было сказано всего лишь разыскать некий старинный документ, ведь так?

– Я и разыскивал.

– Но вместе с ним вы стали разыскивать и убийц ваших коллег, чем, могу вас заверить, разворошили очень большой муравейник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.